

УДК 830 Гессе. 015

ГЕРМАН ГЕССЕ И ИЕНСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

А. Е. Плохарский

Дагестанский государственный университет

В статье сделан акцент на романтических традициях и их трансформации в эссеистике и прозе Германа Гессе, подробно проанализированы его статьи, посвященные представителям Иенской романтической школы, в первую очередь Новалису – «вневременному другу писателя»; отмечены значимые параллели, идущие от раннего немецкого романтизма к неоромантизму Гессе.

Romantic traditions and their transformations in H. Hesse's essays and prose are accentuated in this work. Articles by Hesse which were dedicated to representatives of Iena romantic school, in the first instance, to Novalis – «the timeless friend of the writer» – are analyzed in detail; importance parallels that are going from early German romanticism to neo-romanticism of Hesse are noted.

Ключевые слова: романтизм; неоромантизм; Г. Гессе; Иенская романтическая школа; Ф. Шлегель; А.В. Шлегель; Новалис; В.Г. Вакенродер; Ф. Шлейермахер.

Keywords: romanticism; neo-romanticism; H. Hesse; Iena romantic school; F. Schlegel; A.W. Schlegel; Novalis; W.G. Wackenroder; F. Schleiermacher.

Опыт раннего немецкого романтизма в большей или меньшей степени оставался живым на протяжении всего XX в. В творчестве нобелевского лауреата Германа Гессе он оказался наследием, пригодным для новой жизни, безоговорочным и необходимым, на наш взгляд, базисом.

В письме Гессе 1917 г. читаем: «В искусстве нет необходимости “говорить новое”. Тем не менее я полагаю, что способы выражения постоянно меняются и как раз в наше время...» [1]. Способы выражения у Гессе иные, чем у Новалиса, Тика, Гельдерлина и других романтиков. Но без них не было бы и Гессе. «С романтиками (у Гессе. – А.П.) много сходства. Это и отстаиваемая им идея «универсальной поэзии», и культ музыки, и отображение действительности в образах, предельно абстрагированных от конкретного жизненного содержания, скорее звуковых, музыкальных, чем живописных» [2].

Еще в 1900 г. молодой Гессе в работе «Романтизм и неоромантизм» задумывался над тем, что, собственно, означает слово «романтическое». Он писал, что оно понимается то с отрицанием, то с похвалой, то иронически, что оно применяется к бесчисленным вещам: книгам, картинам, костюмам, ландшафтам, дружбе и любви. «Романтическим в жизни называют все, что проявляется без формы и закономерности, что не покоится на доступном познанию фундаменте и имеет текучие облачные очертания» [3, с. 105].

Слово «романтическое», как известно, появившееся в конце XVII в. в Англии, затем, спустя несколько десятилетий, в Германии и Франции, означало отсылку к роману («как в романе»), а понятие о последнем восходило к рыцарскому жанру, предполагавшему картину мира необыкновенную, отличную от воспринимаемой в повседневности.

Но Гессе интересует слово «романтическое» только в связи со временем, когда оно стало названием немецкой поэтической школы, чей быстрый расцвет и медленное увядание заполняет собой более трети XIX в. и чья история повторилась во всех ведущих европейских литературах.

Раннеромантическую культуру, рожденную предельной актуализацией человеческого «я», исповедующую универсальное, синтетическое бытие, некую грандиозную духовную утопию, продемонстрировала Иенская школа, эпоха которой была кратковременна. В 1798 г. в Иене поселились А.В. Шлегель и философ Ф.В. Шеллинг, получившие кафедры в известном европейском университете. Спустя год здесь обосновались Л. Тик и Фр. Шлегель. Новалис часто бывал в Иене, к Иенскому кружку тяготел в те годы и философ Ф. Шлейермахер. Иенский романтизм немислим и без В.Г. Вакенродера, умершего в возрасте 25 лет, еще до того, как возник этот духовный союз. Нельзя не упомянуть и женщин, составивших славу Иенской романтической школы: Каролину – жену А.В. Шлегеля, а с 1803 г. – жену Шеллинга и Доротею – жену Фр. Шлегеля.

В 1801 г. Иенская школа начинает распадаться. Август Вильгельм Шлегель уезжает в Берлин, умирает Новалис. В 1802 г. Иену покидает Фридрих Шлегель... Ф.П. Федоров замечает в своем фундаментальном исследовании: «Как прежде они тянулись к объединению, так теперь тянутся друг от друга, центростремительность сменяется центробежностью, что и свидетельствует о кризисе раннеромантической культуры, тем не менее заявляющей о себе и в поздние годы, но уже не как движение, а как индивидуальное явление» [4].

Герман Гессе, исследуя историю романтического, подмечает, что для самих первых романтиков это выражение означало разное. Для Августа Вильгельма Шлегеля это было нечто иное,

нежели для Фридриха Шлегеля; нечто иное для Новалиса, нежели для Тика: «в заголовках книг Шлегеля и Тика это слово значит то же самое, что для сегодняшнего произведения предикат “модерн”, Новалис редко употребляет это слово намеренно и никогда как четкую формулировку, но набрасывает его как магическую накидку на свои глубоко личные мысли» [3, с. 106].

Гессе вспоминает, что с того дня, как журнал «Атений», ставший рупором раннеромантического движения, «самым значительным литературным манифестом раннеромантического движения в Германии» [5], обосновал романтическую доктрину, он наклеивает новую этикетку почти на все свои новинки. Братья Шлегель были более сознательны и согласны в своих установках. Правда, старший этим термином называл формальные, а Фридрих – больше философские вещи. При этом в мыслях у них, как у Новалиса, витала категория романа, одновременно с созвучным воспоминанием о романтическом.

Фридрих Шлегель ведущим жанром современной эпохи объявил роман. Роман, по его мысли, в наибольшей степени отвечал требованию универсальности, ибо способен был охватить разные грани действительности. В соответствии с общей установкой романтизма, выдвигавшего на передний план личность художника-творца и возводившего волю и фантазию его в единственный закон искусства, Фр. Шлегель определяет роман как энциклопедию всей духовной жизни гениального индивидуума. Образец романа для него – «Вильгельм Мейстер» Гете.

Гессе, как бы следуя установкам иенцев, отмечает, что «роман Гете был первым немецким романом в современном смысле. С «Вильгельмом Мейстером» роман появился как выражение вещей, которые раньше нельзя было высказать» [3, с. 106]. В истории немецкой литературы, по мнению Гессе, произошел социальный поворот от стилизованного к не скованному правилам, от стиха к ритмической прозе, от завершенных статей к фрагменту: «Отныне искали не форму и контур, а туман и настроение. Стремилась не из общего в художественно ограниченное отдельное, а, наоборот, назад к источнику, к первоединству вещей и искусств, оставаясь со Шлейермахером в созерцании универсума» [3, с. 107].

Упомянутый Гессе Шлейермахер имел большой авторитет у иенцев. Вышедшее в 1799 г. его сочинение «О религии. Речи к образованным людям среди ее презирающих» произвело фурор, оно буквально ошеломило Новалиса. Фридрих Шлегель, который видел поэта в это время, сообщил Шлейермахеру, что тот «совершенно захвачен ею (книгой философа. – А.Л.), воодушевлен и восхищен» и хотел бы сам что-нибудь написать об этой книге, а также сочинить «Статью о католицизме» (цит. по: [6, с. 188]).

Новалиса очень привлекло представление Шлейермахера о религии как об инстанции, видящей «в людях, как и во всем отдельном и конечном, бесконечное», должной «стать отпечатком и отображением» этого бесконечного. Это прямо перекликалось с познаниями Новалиса о том, что учение христианской религии было символическим проектом всеобщей мировой религии, способной принять любой образ – чистейшим образцом религии как исторического явления вообще. В «Генрихе фон Офтердингене» читаем: «Что такое религия, как не бесконечное понимание, как не вечное объединение любящих сердец?» (цит по: [6, с. 189]).

В своем первом книжном манифесте «Романтизм и неоромантизм» Гессе четко разграничивает два вида романтизма: 1) более глубокий или, как он называет, истинный, и 2) внешний, являющийся только маской. Гессе возмущен тем, что победил последний. Новалис был быстро забыт, а кропавший романы Фуке одерживал успех за успехом. Истинный романтизм, по мнению Гессе, расцвел и умер вместе с Новалисом. Поздний романтизм вполне проявил свой лиризм и прелесть у Эйхендорфа, показал глубокий талант у Гофмана. При этом и Эйхендорфа, и Гофмана Гессе называет отщепенцами, слегка лишь связанными с романтическим принципом. Впоследствии он оценивал этих писателей иначе, очень высоко. Более того, подлинную романтику можно искать только у Новалиса, поскольку оба Шлегеля, несмотря на глубокую проницательность и утонченное понимание, были поэтически импотентны» [3, с. 108].

Именно из статей и афоризмов Новалиса, означающих много больше, чем перифразы к философии Фихте, основная романтическая идея выступает перед нами словесно более понятной, нежели из его глубокого поэтического пространства. «Ее девиз и ее результат – углубление через самоуглубление. То, что над сферой времени и места царят вечные законы, что дух этих вечных законов скрыто живет в каждой душе, что все обучение и углубление человека основано на распознании этого духа в собственном микрокосме, на осознании его и принятии его мерой любого нового открытия – вот вкратце учение Новалиса» [3, с. 108–109].

Гессе далее обращается к вопросу: с чего начинается история неоромантизма, как соотносится с учением Новалиса литература новой, иной эпохи? «Молодая Германия, единственным талантом которой был Гейне, оставила нам мало радостного. Именно Гейне, которого автор называет осквернителем храма, этот гениальный мастер иронии, хорошо знал тайную страсть к голубому цветку (символу романтизма. – А.Л.) И лучшее, что он создал как поэт, является отголоском звуков Офтердингена» [3, с. 110].

В качестве примера, достойного неоромантизма, Гессе приводит творчество датчанина Якобсена, в произведениях которого отдельная слабая душа находится в центре всего происходящего и является носителем всех решений, где таинственная пелена истинной поэзии лежит как непостижимый, но могущественный туман. Другой уважаемый автором неоромантик – М. Метерлинк, следовавший учению Новалиса. Внутри этого учения разыгрываются все важнейшие события его произведения. Метерлинк видит душу, скрыто и робко живущую в каждом человеке. Метерлинк, как и Якобсен, превозносит культ простой природы и правды.

Гессе размышляет, беседует с Новалисом о книге Метерлинка «*La Vie des abeilles*» («Жизнь пчел»). «Обсудить маленький, ограниченный кусочек природы с любовью исследователя и внутри этого узкого круга с радостным удивлением вновь найти универсум – это романтическое благочестие. Открыть глубинные законы всей жизни и зеркало вечного в улье пчелы – это дух Новалиса» [3, с. 112].

Гессе настаивает на том, что книга может быть «романтической» не из-за материала или языка, а единственно по духу. Сочинители средневековых романов, сказочных драм и лирики вагэнтов как таковые ни на шаг не ближе духу романтизма, чем Золя или Достоевский. И опять же, возвращаясь к творчеству своего кумира Новалиса, он вспоминает: «Но мы сердечно приветствуем всякого поэта, в котором есть нечто от души Офтердингена» [3, с. 112].

Как мы уже отметили, неоромантиком может быть только тот, кто духовно связан именно с Новалисом. Новалис – вневременной друг Гессе. «В воспоминаниях своих друзей он продолжает жить и чувствоваться в неоспоримой юной красоте, горячо любимым, незаменимым...» [3, с. 108]. В отдельной работе «Новалис», написанной как и статья «Романтизм и неоромантизм» в 1900 г., автор с колоссальной любовью, трепетом, поэтическим языком говорит о Новалисе: «Существуют тихие дети (с романтизма, – по Берковскому, – начались «детские дети». – А.П.) с большими одухотворенными глазами, чей взгляд тяжело вынести. Им предсказывают недолгую жизнь и смотрят как на знатного пришельца в равной степени со страхом и состраданием» [3, с. 228]. Ему он посвящает и одно из стихотворений:

Твоею рифмой сладкозвучной
Дух юности меня ласкал,
Который в жизни пестро-скудной
Я незаметно расплескал.

И, словно майская фиалка
Осенний оживляя сад,
Ты шепчешь тихо: юность жалко,
Но не вернуть ее назад [7].

Новалис, умерший в 28 лет, унес в могилу ростки ранней немецкой романтики. Это было трагедией в судьбе Иенской романтической школы. Новалиса трудно читать. То, что до нас дошло, – это почти одни отрывки. Но все-таки чтение его сочинений сверх всякой меры вознаграждает хорошего читателя. Они пробуждают «чувство готовящегося собственного спасения». В сочинениях Новалиса в том виде, в каком они у нас есть, все явно распадается, по мнению Гессе, на две части: философию и поэзию.

Новалис прежде всего гений. Гений есть не только явление истории духа, но и прежде всего биологическое явление. Гессе выделяет в новой немецкой гуманитарной истории триаду гениев: Гельдерлина, Новалиса и Ницше. При этом если Гельдерлин и Ницше впали в безумие после того, как жизнь для них стала невозможной, то Новалис умер, зная, что сгорает изнутри, «умер магической, раннецветущей и невероятно плодотворной смертью».

Говоря о гении как о биологическом явлении, Гессе имеет в виду, что гений – значительный человек в своих наиболее удачных примерах – почти всегда «ведет трагическую жизнь и живет при бледном свете близкого падения»: «...гений, высшая жизнь, так легко превращается в свою противоположность, в смерть и безумие, потому что в нем человеческое бытие открывается как ужасная неудача, как великий и смелый, но совершенно неудачный поступок природы» [3, с. 234].

Гессе тонко подмечает, что Новалис не пострадал от смерти, а вошел в нее, как изгнанный король возвращается во дворец из серой чужбины. Новалис оставил самые чудесные и таинственные произведения, какие только знает история немецкой литературы. Произведения Новалиса для Гессе – это произведения духа: «руны этих произведений... показывают все пропасти духа и отчаяние из-за духа» [3, с. 235].

Говоря о Новалисе, Гессе не один раз соотносит его с Гете. В статье «Новалис. 1772–1801» (1919) читаем: «Этот волшебный богатый, гибкий, смелый дух, этот воистину ясновидящий и читатель душ в свое время вымечтал идеал немцев на сотню лет. И он так мощно сформировал и развил идеал синтеза научного мышления и духовного переживания, как это смог сделать только Гете» [3, с. 228].

Именно в Новалисе мы слышим голос той ставшей легендарной Германии духа и благоговения. Гессе называет его почти в совершенстве одухотворенным человеком, которому в его поэзии, в его владении языком удалось достичь такой чувственной красоты и полноты, гармонии духовного и телесного, какие находят только у рано умерших. Гессе цитирует слова первого

биографа Новалиса: «Он жил, как сам говорил, в стране чувств, не чувственности; поскольку его внутреннее чувство руководило временем. И таким образом он создал в видимом мире невидимый...» [3, с. 229]. И сам Гессе руководствовался всегда и везде внутренним чувством. Это была страна его стремлений.

С. Аверинцев верно заметил, что немецкая культура от Гете и Гердера до Томаса Манна предприняла непредставимую ни в католической, ни в православной среде попытку приручить христианство, вобрать его в себя, «снять» в себе. Нечто в структуре самого лютеранства провоцировало такую попытку. С. Аверинцев акцентирует внимание на лексике: «Там, где католик скажет «церковь», то есть назовет сугубо объективную реальность с резко очерченными границами, лютеранин, особенно пиетистски ориентированный (в т.ч. и Новалис, и Гессе. – А.П.), будет говорить о вещах, находящихся внутри человеческой души – о «благочестии», Frömmigkeit, «благоговении», Ehrfurcht. Всю эту сферу суммирует непере译имое слово Innerlichkeit. В сфере культур-протестантизма становится не совсем удобно спрашивать, имеет ли вера предмет; важно, что душа имеет чувство. Это простодушная Гретхен спрашивала Фауста, верит ли тот в бога, Фауст как истинный прототип культур-протестантизма отвечал: чувство – все» [8, с. 385]. Здесь же критик резюмирует, что Гессе был едва ли не последним большим наследником вековой работы по «снятию» христианства в культуре.

Гессе в своих критических эссе настаивал на том, что романтизм – это прежде всего Новалис. Но при этом он отдал дань уважения и почитания и другим представителям Иенской и Гейдельбергской романтической школы. Это и Гельдерлин, и Жан-Поль Рихтер, и Тик, и Вакенродер, и Гофман, и Арним, и Brentano.

Хотя Гельдерлин и не входил в Иенский кружок, мы позволим себе в контексте нашей статьи остановиться на статье Гессе о нем, поскольку сами романтики считали его «своим», культивировали его художественное творчество и заботились об издании его сочинений. В отечественной германистике Гельдерлин рассматривается, хотя и с известными оговорками, как романтик (к примеру, в программных работах Н.Я. Берковского и А.В. Карельского). «Романтическое мироощущение лежит в основе всего, что им создано в литературе, оно ярко проявилось и в его лирике, в драме «Смерть Эмпедокла», и особенно в романе «Гиперион, или Отшельник в Греции» [9], – замечает исследователь К.Г. Ханмурзаев.

В эссе «Гельдерлин» (1924) Гессе называет его королем идеалистической молодежи, говорит, что он был прообразом избранного богом и богом сокрушенного поэта, сверкающего в сверхчеловеческой чистоте, полного благородства и болезненной красоты, поэта, который должен был разбиться о нормальную жизнь».

Есть некоторые сходства в биографии Гессе и Гельдерлина. Оба они родились в зеленой Швабии, столь богатой своими талантами: «Швабская история выработала особый тип человека – тихого упряма, чудака и оригинала, погруженного в свои мысли, своеобразного и неговорчивого» [10].

И Гельдерлин, и Гессе прошли школу Маульброннского монастыря, где чувствовали себя чужаками. Гессе был семинаристом в Маульбронне всего лишь полгода. Но этот короткий срок благодаря сильным переживаниям и даже страданиям придал его повестям и романам «Под колесами», «Нарцисс и Гольдмунд», «Игра в бисер» особый, яркий оттенок, некую маульброннскую «ноту». В эссе «Встречи с прошлым» Гессе, вспоминая это время, писал, что он сам чуть не стал жертвой «школы, богословия, традиции и авторитета» [11]. После бегства из монастыря у Гессе начался период тяжелых душевных конфликтов, вызванных борьбой за защиту собственного «я». «Рано осознанный поэтический дар восстал против неизменных религиозных традиций семьи и неопровержимых авторитетов, в окружении которых находился юноша» [12].

И Гельдерлин, и Гессе испытали на себе душевные болезни. В период своего душевного кризиса Гессе лечился у психиатра Ланге, ученика Юнга. В 1909 г. Ланге выпустил «Патографию Гельдерлина», где так охарактеризовал объект своего исследования: Гельдерлин был человеком высшего типа (это отмечает и Гессе. – А.П.). Он был честен, открыт, горд, свободолюбив, независим. Он остался верен себе и никогда ни в чем не предавал своих убеждений. Он не завидовал успехам других, с огромным уважением относился к современникам. В то же время он был не способен на легкомыслие в области чувства. Он был глубоко серьезен; если он строго относился к окружающему миру, то не менее строго относился и к себе» (цит. по: [13]). Гессе, несомненно, чувствовал духовное родство с этим великим немцем. Свой роман «Демиан» Гессе пишет под псевдонимом Эмиль Синклер. Синклер – верный и прекрасный друг Гельдерлина.

Гельдерлин для Гессе не только поэт, его творчество и его суть неидентичны написанным им произведениям. Он нечто большее, он представитель героического типа. Гессе замечает, что Гельдерлин в одной из своих статей предвидел собственную судьбу (а судьба его трагична: 37 лет он провел в состоянии умственно-душевного кризиса – никого не узнавал, ничего не понимал): «Все сводится к тому, чтобы совершенные не слишком отгораживались от низших, прекрасные – от варварского и в то же время не слишком смешивались с ними, чтобы они определенно и

бесстрастно знали дистанцию между собой и другими и действовали и терпели, исходя из этого сознания. Если они слишком изолируются, то потеряют эффективность и потерпят поражение в своем одиночестве» [14].

Гессе пишет, что Гельдерлин постоянно страдал от недостатка наивности в шиллеровском смысле слова. Он лелеял в себе духовность, которая насильствовала его природу. Его идеалом было оставить за собой все обыденное, но он не обладал неслыханной стойкостью Шиллера. Он стремился к примеру одухотворения, попытка достичь которого не удалась. Гессе отмечает, что, сотворив себе кумира (в Шиллере), Гельдерлин подавил свое творчество. «Его судьба – судьба героя, и она надындивидуальна. Именно поэтому мы так часто видим, как великие, щедро одаренные люди погибают из-за препятствий, с которыми играючи справляются маленькие... Герои, они пытаются достойным и опасным путем возвысить себя...» [3, с. 226]. Завершает эссе Гессе опять же параллелью «Гельдерлин – Шиллер». Трагизм, не менее властно пронизывающий жизнь Шиллера, у Гельдерлина получил неслыханно четкую, неслыханно захватывающую выразительность. Это отличает его, настоящего мифического героя для чувств, от поэтов, чья суть и облик без остатка выражены в их творчестве.

Рано ушел из жизни и Вильгельм Генрих Вакенродер (1773–1798) В эссе, посвященном его «Сердечным излияниям монаха – любителя искусств» (1924), Гессе отмечает, что наряду с более значительным Новалисом он является типичным явлением немецкой романтики. «Его лирически нежное, податливое, слишком мягкое и чувствительное существо, его короткая, протекшая в бесплодных внутренних страданиях и самоотречении молодая жизнь, его нежно цветущая, чувствительная и почти женская дружеская любовь к более легкомысленному и подвижному Тику – это специфически романтическое и показывает нам в равной степени приятные, глубокие и тонкие, как и болезненно слабые стороны романтического характера и романтической жизни» [3, с. 237].

«Сердечные излияния...» Гессе называет документом романтического духа, в котором место разума засгущает личное чувство, место антикварно-филологической писанины – одушевление нежного наблюдения. Важно у Вакенродера то, что музыка – абсолютнейшее, универсальнейшее и, следовательно, романтическое искусство.

Сведения о художниках, почерпнутые из его книги, вряд ли имеют какую-либо ценность, ведь, справедливо констатирует Гессе, прошло 100 лет. Ценно другое: наслаждение искусством означает не измеряемое разумом познание, а переживание и сотворчество. Книга Вакенродера по-прежнему стоит рядом с Новалисом и Тиком. Гессе говорит, что это уже смотрится как рай. И в XX, и в XXI в. райская эпоха молодой романтики, рожденной в городе Иене, осмысливается не только профессионалами-филологами, но и читателями как время мечтательности, искренней увлеченности, духовного энтузиазма.

Гессе, который «всегда был верен главному направлению своей работы – сосредоточенности на внутренней жизни людей» [15] развивал и трансформировал духовные традиции блестящей плеяды ранних немецких романтиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессе Г. Из наследия // *Вопр. литературы*. 1978. № 9. С. 204.
2. Сулейманов А.А. «Игра в бисер» Г. Гессе в свете традиций немецкого романа классико-романтической эпохи // *Науч. тр. Куйбыш. ГПИ. Куйбышев*, 1974. Т. 137. Вып. 2. С. 92.
3. Hesse H. *Gessammelte Werke*. Frankfurt am Main, 1970. Bd. 11. 327 s.
4. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма. Структура и семантика. М., 2004. С. 22.
5. Behler E. *Friedrich Schlegel in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Hamburg, 1966. S. 69.
6. Новалис сам о себе в изложении Герхарда Шульца. Челябинск: Урал LTD, 1998. 327 с.
7. Гессе Г. *Собр. соч.* : в 8 т. Москва; Харьков, 1995. Т. 4. С. 418.
8. Аверинцев С.С. Герман Гессе // *Hermann Hesse. Die Morgenlandfahrt. Gedichte. Märchen. Kleine Prosa*. М., 1981. С. 366–388.
9. Ханмурзаев К.Г. Немецкий романтический роман. Генезис. Поэтика. Эволюция жанра. Махачкала, 1998. С. 86.
10. Аверинцев С.С. Путь Г. Гессе // *Гессе Г. Избранное*. М., 1977. С. 6.
11. Гессе Г. *Собр. соч.* : в 8 т. Москва; Харьков, 1995. Т. 7. С. 358.
12. Герман Гессе сам о себе в изложении Бернхарда Целлера. Челябинск: Урал LTD, 1998. С. 7.
13. Дейч А.С. [Вступительная статья] // *Гельдерлин*. Соч. М., 1969. С. 7.
14. Hesse H. *Gessammelte Werke*. Frankfurt am Main, 1970. Bd. 12. С. 226.
15. Павлова Н.С. Герман Гессе // *История немецкой литературы. Новое и новейшее время* / под ред. Е.Е. Дмитриевой. М., 2014. С. 642.

Поступила в редакцию 26.03.2014 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.